

Подлесок давно закончился, а Баки, упрямо заходя всё дальше и глубже в лес, всё не мог стянуть с губ беззаботную улыбку. Они провели вместе осенние луны и пережили суровую, тяжёлую зиму. Перед ними ковром нежных первоцветов расстилалась весна, а Стив всё не позволял себе ответить ему — ни словом, ни делом. Всё, что раньше для Баки было простым, стало вдруг сложным и исполненным иного смысла. Прежде он всегда брал то, что хотел, и не задумывался ни зачем, ни почему. Это было так же естественно, как взять и наточить лежащий во дворе у боевой площадки тренировочный топор, и начать шуточный поединок — для чего ещё нужно оружие?

Сейчас он шёл, старательно осматривая вчерашние силки, заглядывая под кусты и перешагивая оголившиеся от снега коряги корней — и думал, когда же друида перехлестнёт. Ведь нельзя бесконечно стоять в грозу под единственным деревом в поле и молиться, чтобы ветвистая молния не поразила его — однажды это случится, но, конечно, никто не запрещает ему продолжать стоять и молиться. Баки уходил в лес, сбегаая от душного, горячего, будоражащего внутренности сожительства. Порой косить глазами на тонкие кисти рук, на натруженные пальцы и острые плечи становилось невозможно. Но вот диковина — все его муки утратили побуждающее начало. Его «хочу» давно перестало равняться «возьми», сломай и присвой. Это желание обладать бродило по телу, окатывало теплом то голову, то ноги, то пах, омывало грудину — и одаривало таким ощущением всего тела, словно Баки вот-вот — и мог полететь.

Чресла упрямо наполнялись кровью, и Баки упрямо сдаивал своё семя, поливая белёсыми каплями мох под старыми берёзами — и ждал. Он умел ждать, и никогда прежде это ожидание не доставляло столько муки и столько удовольствия. Почему-то он уверен был, что всё так или иначе предрешиено. Разве могло быть по другому? Их жизни давно сплетены в одну косу рукой богини. Друид предназначен ему так же, как и он предначертан друиду.

Хъялги вдруг выбежал вперёд и заскулил из-под ближайших кустов. Баки припустил за ним — щенки ещё плохо себя контролировали, и в охоте порой плоховали. Под кустом в силках барахталась обессилевшая за ночь курочка — даже странно, что они первые, кто нашёл её, но это означало, что сегодня у них будет похлёбка на тетереве. Во рту от мыслей о наваристом бульоне прибыло слюны. Баки за шкуру оттянул от добычи волчонка, который словно сомневался, хочет он больше есть или поиграть. Если ему повезёт, щенкам достанется славная трапеза из требухи и костей. Баки свернул курочке шею и повесил её помятую тушку на пояс килта. И сам удивился, как привычно стало ему управляться одной рукой.

Вторые силки порадовали крупным зайцем, и по пути к козьему оврагу — так Баки окрестил неглубокий длинный ров с ручьём по дну, который вёл в сторону поселения, — удалось набить пращой ещё одного, пока он запутался в корнях. Щенок был недоволен, крутился под ногами и всё норовил цапнуть висящие на поясе тушки. Баки незло бил его по ушам и, дыша глубоко, во всю грудь, наслаждался весенними запахами леса. Когда всё вокруг начнёт зеленеть и зацветёт, он точно озверееет — потому что сейчас, после зимы, даже запахов мокрой коры и жирной земли хватало для того, чтобы голова пьяно кружилась.

Хъялги, бегущий чуть впереди, вдруг остановился и, припав на передние лапы, глухо зарычал. Баки напрягся, высматривая врага — но в непролазном переплетении кустов сложно было хоть что-то разглядеть. Гулко, разнося эхо на весь лес, затрещали ветки. Хъялги заскулил и... дал дёру в другую сторону.

Баки не успел ни окликнуть его, ни свистнуть. Из кустов, как кошмарное порождение Самхейна, показалась бурая, косматая голова — и Баки в ужасе попятился, задержав дыхание.

Медведь был огромным. Настолько, что даже на четырёх лапах превосходил его в холке. Через всю морду слева тянулся старый шрам-рубец, и глаз под ним был белёсый, затянутый слепым бельмом. Медведь шумно принюхался, заворчал и пошёл прямо на Баки, ступая широкими плоскими лапищами. Черные когти на них были длиннее, чем лезвие охотничьего ножа.

Как же не хватало копья в руке! Нож такой туше что заноза в заднице — неприятно, но не смертельно, да и попробуй эту шкуру проткни. Сердце заколотилось, Баки отступал всё дальше, стараясь не вызвать медведя на атаку, как вдруг тот остановился и медленно, величественно встал на задние лапы, возвышаясь на добрые полтуловища над ним.

Баки торопливо шагнул назад, запнулся пяткой о выставленный высоко сосновый корень и полетел спиной, со всего маху ударился хребтом о землю — аж в глазах потемнело — и тут же кубарем покатился вниз по склону, собирая боками корни и камни. Больно, больно, больно! Одной рукой толком не зацепиться, да и было бы за что. Под конец он плюхнулся в тот самый неглубокий ручей, тёкший в низине — здравствуй, козий овраг.

Баки попытался пошевелиться и охнул: правая нога отозвалась нестерпимой болью в щиколотке. Но самое страшное было то, что медведь, высунув морду из кустов, начал неторопливо спускаться вслед за ним. Он оскальзывался на грязи и порой съезжал на зад, но неумолимо настигал его, как смерть настигает одного из воинов в священном поединке.

Как глупо вот так умирать, подумал вдруг Баки. Как глупо... выжить там, на поле, после неравного кровопролитного боя, потеряв руку и всё своё войско, и умереть сейчас от лапы старого полуслепых медведя...

Баки закрыл глаза и глубоко задышал, останавливая разошедшееся сердце. Страх не было, только волнение и досада, как же теперь будет Стив без него. Только обида оттого, как многого он ещё не сделал, не познал... Медведь шел на него, а Баки понять не мог, что же ему делать, как спастись. Он слышал где-то, что медведи не тронут мёртвого человека — только с крайнего голода — и решил лежать, не двигаясь.

<http://erolate.com/book/3459/83646>